

МОПР и ДЕТИ

Д.Х.

ПИСЬМА ПИОНЕРА КАРЛА МЮЛЛЕРА

Из жизни детского дома МОПР'а
в Эльгерсбурге)

Собрал И. Клаубер

ИЗДАНИЕ Ц-Н- МОПР

МОСКВА

1926

M 161838

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

3 ТМО Т. 3.600.000 З. 1653—91

Л

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugraic.ru/>

СЕРИЯ „МОПР И ДЕТИ“, № 4

087.1
1247

[Redacted]

ПИСЬМА ПИОНЕРА
КАРЛА МЮЛЛЕРА

Инд. 1936 М. № 161838 П

0

1944

(Из жизни детского дома МОПРа в Эльгерсбурге, в Германии)

Собрал И. Клаубер

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
в СВЕРДЛОВСК

ИЗДАНИЕ ЦК МОПР
МОСКВА — 1926

687.1

3-Я ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ

«ТРАНСПЕЧАТ»

МОСКВА, ДМИТРОВСКИЕ Б. 9

КЛАССИК № 68703.

ТИРАЖ 20000 экз.

СОУНЬ ИМ. В. И. БЕЛИНСКОГО
<http://bookmarket.ru/>

К юным читателям

Положение маленьких детей рабочих в капиталистических странах очень тяжелое. В Германии, например, больше половины всех детей совсем не получают молока и вообще очень плохо питаются. Кроме того, рабочих детишек мучат болезни. В германском городе Кобленце из 287 детей оказалось больных рахитом 79 детей, больных туберкулезом—47, элогахой—13.

В городе Гинденбурге только одна треть рабочих детей имела свою постель.

Голодные, холодные, раздетые и разутые, часто без своего угла, больные—так живут дети рабочих за границей. Но ведь это вообще дети рабочих. А как же приходится страдать детям тех революционных рабочих, которых буржуазия посадила в тюрьму или расстреляла, или замучила на смерть?

У них нет ничего. Они лишились последней кружки молока и куска черствого хлеба. Они могут погибнуть,— так рассуждает буржуазия.

Но не так рассуждают рабочие других стран, братья тех, кто расстрелян или сидит в тюрьмах. Рабочие всех стран организовались в МОПР для того, чтобы помогать самим заключенным рабочим и вырвать из когтей смерти и воспитывать их детей, их жен.

За последние два года МОПР спас от смерти и улицы сотни и тысячи детей рабочих и их матерей. Это только в Германии. Много сделано и в других странах, где положение детишек бывает еще хуже.

МОПР строит во всех странах детские дома для детей, ставших жертвами буржуазной мести, издевательства и насилий.

На глазах у детей буржуазия убивала их отцов, громила их жилище, издевалась над матерями.

Это глубоко запало в детскую душу.

Дети рабочих, ставшие жертвами белого террора и спасенные МОПР'ом от голодной смерти, болезней, нищеты и скитаний, приходят в детские дома для того, чтобы воспитываться и учиться для рабочего дела.

Об одном из таких домов, в Эльгерсбурге, идет речь в этой книжке. Дом этот расположен в красивейшей части Тюрингского леса и окружен большим садом. Там дети имеют чудный воздух и хорошее питание. В дом принимаются дети от 6 до 15 лет. Домом управляет детский совет, т.-е. сами же дети.

У троих детей из этого дома расстреляны отцы, у двадцати пяти детей—отцы сидят в тюрьмах, у одного—ранен полицией, у одного—умер в госпитале, у одного—скрывается.

Таково население этого детского дома.

Наши юные читатели сумеют по письмам пионера Карла Мюллера, бывшего обитателя детского дома МОПР'а, подробно ознакомиться с жизнью маленькой детской «республики» в Эльгерсбурге.

Издательство ЦК МОПР

I.

Отчего сердился полицмейстер *)

В городе, в котором наш мопровский дом, полицмейстер был очень, очень злой человек.

(Видали ли вы когданибудь бульдога, который все время скалит зубы? Точь-в-точь такой же был этот полицмейстер!)

Случилось как-то, что полицмейстер узнал о том, что в этот детский дом из-за границы прибыл один товарищ.

«Ага, есть!»—думал он про себя. Ему дела не было до того, для чего мог приехать этот товарищ. Не стал он его об этом расспрашивать, а только страшно радовался.

«Поймал я вас, наконец, — думал он. — Теперь я научу вас петь «Интернационал», провозглашать Ленина... Покажу вам, как это не уважать короля и законов!»

И отдал приказ своим парням, чтобы трое, самые здоровенные из них, тотчас же отправились в детский дом и привели оттуда этого вредного большевика. И чуть было так не вышло. По крайней мере, господин полицмейстер очень хотел, чтобы так вышло. Ему хоте-

*) Полицмейстер—начальник полиции

лось доказать своему начальству, что мопровский детский дом—не воспитательное учреждение, а большевистское гнездо, и там не только воспитывают детей сидящих в тюрьме или убитых революционеров, но при удобном случае и бомбы фабрикуют и планы делают, и—что важнее всего—хранят большевистские тайны.

Трое парней отправились в путь.

Но полуголодный несчастный переписчик из полицейского управления, услышав приказ, сообщил о нем по телефону в детский дом.

Он чуть было не опоздал со своим сообщением, так как пока там спохватились, полицейские молодцы подошли уже к воротам.

Что-то будет теперь?

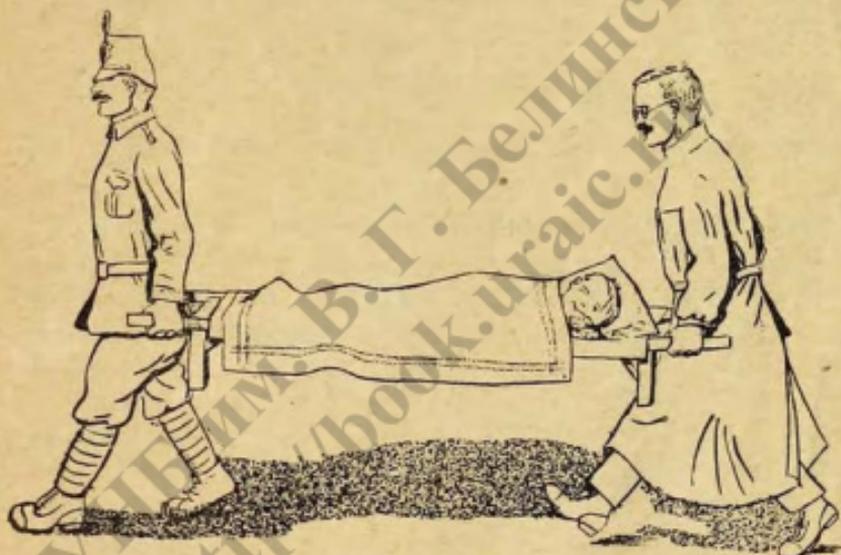
Учительница заплакала, а часть детей стала ей в этом помогать. Но не плакал приезжий товарищ, который к тому времени уже как раз кончил свою работу: проверил, довольны ли дети, присмотрелся к ходу занятий и т. д.

Он сейчас же позвонил по телефону в детский изолятор для больных и попросил принести ему халат санитаря. Халат принесли ему как раз в тот момент, когда двое полицейских вошли в первую комнату.

Третий остался у ворот, чтобы никого не выпускать из дома.

Пока в первой комнате учительница, всхлипывая, объясняла, что никакого чужого человека здесь нет, товарищ наспех натянул на себя белый халат, уложил одного мальчика на кровать и губы его намазал мыльной пеной. Еле успел покончить с этим, как двое полицейских с шумом ворвались в комнату. Товарищ наш, опустив немного свои очки на нос, строго посмотрел на них и, показав рукой на мальчика, спросил их, неужели так необходимо для следствия, чтобы они так

шумели? И не дав им даже ответить, подозвал одного полицейского и попросил его помочь ему положить ребенка на носилки. Так как другого взрослого человека не было, «господин доктор» взял носилки с одного, а полицейский — с другого конца, и перенесли ребенка в изолятор. Стоявший у двери полицейский, увидев, что несут больного ребенка, поспешно открыл им дверь.

... «Господин доктор» взял носилки с одного, а полицейский с другого конца, и перенесли ребенка»...

Придя в изолятор, товарищ поблагодарил полицейского за помощь, а тот вернулся на дальнейшие поиски «проклятого большевика».

«Господин доктор» вытер мыльную пену с губ мальчика, который в тот же миг «выздоровел». Он соскочил с постели и вышел через задние ворота на улицу посмотреть, нет ли там еще кого. «Господин доктор» же

снял белый халат и, когда возвратившийся ребенок сообщил ему, что там никого нет, поцеловал его и, не спеша, спокойно ушел.

Полицейские написали длинный доклад о том, что на одной стене в мопровском доме прибит красный флаг, на другой висит портрет Ленина, что каждый ребенок носит красный галстук, но никакого чужого человека там нет.

Полицмейстер на это так обозлился, что орал с пеной у рта.

II.

Л а с т о ч к а

Я хочу рассказать об одном событии в нашем детском доме.

На вечерних занятиях предстояла беседа об истории городов Гамбурга, Бремена, Любека и Киля. Конечно, эта беседа не была похожа на уроки истории в буржуазных школах, где говорят только о давно прошедших временах. На этих беседах говорилось о том, что делали матросы Киля в революцию 1918 года, или что случилось в Гамбурге в 1923 г., когда на всех больших улицах этого города воздвигались баррикады, трещали пулеметы и воевали рабочие с буржуями. И когда речь зашла о Гамбурге, тогда Фриц и Ганс очень много могли рассказать о том, что там было. Ведь отец одного был там убит на баррикадах, а отец другого и до сих пор томится в тюрьме за то, что он там храбро воевал.

В то время, как ребята были заняты этим уроком, в спальне № 2 разыгралось то событие, из-за которого заволновался весь дом. Около 7 часов из спальни раздались остервенелые звонки. Один из ребят побежал наверх, чтобы посмотреть, в чем дело. Через несколько минут он прибежал обратно и отрывисто, задыхаясь, стал рассказывать, что он и Маня из окна

спальни наблюдали, как новичок, прибывший накануне, мучил ласточку: перевязав лапку ее веревкой, пустил ее летать через окно и потом дергал ее обратно. Когда он вбежал в спальню, ласточка уже не могла летать, она только прыгала в комнате по кроватям, а мучитель смотрел и смеялся.

Урок был прекращен. Руководитель и трое мальчиков поднялись вверх в спальню, чтобы помешать дальнейшим мучениям ласточки. Открыв дверь, они увидели, что ласточка уже еле двигается, а новый мальчик как раз вырывал перо из ее хвоста.

Фриц не мог удержаться, подбежал к новичку, схватил его за плечи и заорал на него: «Ты—зверь!»—Безуспешно они ухаживали за ласточкой: полчаса спустя она испустила дух.

После этой вспышки Фрица, никто не хотел заговорить с новым мальчиком.

Напрасно объяснял им руководитель, что мальчик не виноват в том, что он воспитывался в таких условиях, в которых он не мог научиться отличить хорошее дело от плохого,—ребят никак нельзя было уговорить, чтобы они обращались ласково с новым мальчиком. Никто не хотел с ним говорить, и если он с кем-нибудь заговаривал, тот отворачивался и не отвечал ему.

К вечеру следующего дня такое положение стало нетерпимым, поэтому делегаты комнат решили дело не откладывать в долгий ящик и еще в этот же вечер обсудить и вынести свое решение. В 8 час. вечера, перед уходом ко сну, собрался домашний совет. Кроме 8 членов совета, в совещании участвовала и Маня, которая первой увидела, как новый мальчик мучил ласточку.

Фриц предлагал сначала выслушать нового мальчика, Маня же предлагала просмотреть сначала анкету и личные данные о нем, чтобы узнать о нем все по-

дробно. Это предложение и было принято. Из анкеты и бумаг его выяснилось, что ему 11 лет, он учился в III классе народной школы, но в следующий класс не перешел. Отец его уже пятый год сидит в гродненской тюрьме, мать работает на крахмальной фабрике, дома у него еще сестренка 6 лет и братишка лет 8-ми. Из письма его матери, которое она послала с ним местной мопровской организации, было видно, что мальчик уже в течение нескольких лет предоставлен самому себе, так как за всеми детьми смотрела 70-летняя бабушка, которая еле справлялась с двумя остальными малышами.

Этого было довольно для маленького совещания. Они уже знали столько, сколько им нужно было для того, чтобы воздействовать на молодого истязателя животных, как следует.

Вызвали и его. Прошедшие сутки вызвали уже в нем некоторое изменение. Он еще не знал, почему, но уже начал чувствовать, что поступок его был нехорошим. Когда он вошел и взглянул на всех присутствующих, то немного сконфузился и не знал, что ему делать. Ему предложили сесть, и председатель совещания объяснил ему, для чего его вызвали.

Как исправить тот проступок, который он совершил?

Прежде всего Маня должна была рассказать все то, что она видела.

Девочка со слезами на глазах рассказала о том, как жалобно щебетала несчастная ласточка и как зло смеялся мальчик над ее страданиями.

После этого председатель задал вопрос новому мальчику, имеет ли он что-нибудь добавить к тому, что рассказала Маня?

Новый мальчик ответил, что он ласточку вовсе не мучил, а только играл с ней, и хвост ее вырвал только потому, что она уже не хотела играть дальше.

Члены домашнего совета еле удержались, чтобы не соскочить со своих мест от волнения. Ведь только недавно, этой весной, каждый мальчик устроил по одному искусственному гнезду на деревьях в саду и все время ждал, когда же наконец какая-нибудь птица его займет. Когда новый мальчик заявил, что он больше ничего сказать не может, члены совета один за другим вставали и вносили свои предложения.

Ганс предлагал вызвать мать мальчика и переговорить с ней насчет того, как с ним быть. Лена считала, что его надо непременно исключить из дома. Но против этого предложения восстали все. Такая вещь в МОПР'е не может случиться. Фриц советовал спросить самого мальчика о том, что, по его мнению, следует с ним делать.

Но когда совещание дошло до обсуждения этого предложения, часы пробили 10, и поэтому вынесение решения пришлось отложить на следующий день.

На следующий день был кино-вечер по недельной программе. Одному из членов совещания пришлось при этом быть монтером, другой же был назначен громко читать надписи на картине для малышей.

Третий день было воскресенье, так что решение надо было отложить до понедельника.

Еще в субботу было собрано около 25 подписей тех, которые требовали, чтобы этот случай разбирался на общем собрании всего дома. Совещание поэтому собралось еще в субботу на 5 минут и постановило созвать на понедельник общее собрание. Общие собрания в доме всегда происходили с некоторой торжественностью, в большом зале, стены которого были раскрашены красивыми рисунками.

До сих пор еще не было случая, чтобы общее собрание созывалось из-за одного человека. Поэтому вопрос всех волновал, и все только о нем и говорили.

Но теперь уже все не были настроены так против нового мальчика, как три дня тому назад. Девочки

особенно считали, что его нужно простить, несмотря на то, что Лена усердно агитировала за исключение его из дома.

На общее собрание собралась не только все дети дома, но еще 6 мальчиков из ближайшей школы.

Хотя Фриц и вел собрание энергично, оно все же происходило бурно.

В конце концов выясилось два определенных взгляда. По одному — необходимо объявить мучителю ласточки порицание. По другому же — не следует его подвергать никакому наказанию, а обратить больше внимания на его воспитание.

Один мальчик встал и заявил, что только буржуи так раздувают дело о птичке.

Фриц тогда встал и сказал:

— Неправда, что это буржуйская добродетель. Есть ведь буржуи, любители птиц, которые держат их в красивых клетках, но при чем тут любовь к птицам? Да и эти красивые клетки делают им за несчастные гроши наши отцы в тюрьмах, — говорил он.

— Мы любим птиц по-иному, мы любим их свободными, мы любим их потому, что знаем, как много людей их преследует, и знаем, что птица приносит пользу человеку. Но если бы мы руководствовались только своей любовью к птицам, тогда нам следовало бы быть очень строгими в наказании нового мальчика. Но если мы любим птиц потому, что они полезны для общества и их преследуют так же, как и рабочих, то мы тут должны сначала человека понять, а потом о птицах говорить. Поможем ли мы ему наказанием? Ничуть! Мы этим его оттолкнем от нашей жизни, от сближения с нами. Конечно, нельзя этот поступок оставить. Но посмотрите на лицо его, как он краснеет за все время собрания, и не забудьте, как он хорошо вел себя в течение последних дней.

Поэтому Фриц предложил собранию больше обратить внимания на воспитание этого мальчика, для чего необходимо, как в спальне, так и в рабочей комнате поместить его среди более старших мальчиков, чтобы те могли влиять на него в хорошем направлении.

Собрание приняло предложение Фрица. Поместили его в ту комнату, где Фриц был делегатом комнаты; он дал ему место возле себя.

Сколько я мог еще наблюдать за жизнью детского дома, никаких недоразумений больше с этим мальчиком не было. Фрица он так полюбил, что когда мать его пришла его навестить, он сразу побежал в сад за Фрицем, чтобы показать его матери.

III.

О чем Женя рассказал шпиону

По вечерам, укладываясь спать, дети между собою много толковали о том, как должно быть хорошо в Советском государстве, как там должна быть прекрасна жизнь пионера. Затем высчитывали, сколько еще отцу осталось сидеть из 6-ти лет, если он уже отсидел 2 года и 4 месяца.

Женя только слушал все это. Он не мог вмешиваться в эти разговоры, так как ему исполнилось всего 6 лет.

Однажды вечером, перед сном, он слушал рассказ Фрица о том, как отец того надул полицейских, язвившихся к ним с обыском.

Отец Фрица говорил полицейским, что у него оружие запрятано в конюшне, куда и повел их. За это время мать Фрица спрятала коммунистические книги. В конюшне, конечно, никакого оружия не нашлось, и правда, что отца за это полицейские жестоко избили, но зато ни одной коммунистической книги они в доме не нашли, хоть и все уголки обшарили.

Женя и до сих пор был очень сердит на полицейских, так как он помнил, что на свиданиях с отцом в тюрьме полицейские не дали отцу поцеловать своего сына, а

после этого рассказа для него стало ясно, что полицейский — это враг.

В один прекрасный воскресный день Женя получил разрешение сходить к матери. Так как мать его жила недалеко, ему разрешили пойти одному. Как только он вышел из ворот, к нему подошел какой-то неизвестный дядя и начал угощать его шоколадом. Женя шоколад взял, а дядя взялся его проводить. По пути он начал расспрашивать Женю о том, чему его учат в детском доме. Женя наш и давай ему рассказывать о том, что он уже хорошо пишет, но дяде все хотелось знать, что говорит учительница о боге, о законах, о большевиках. Женя тогда вспомнил, что учительница им всегда говорила, чтобы они чужим, незнакомым людям не рассказывали о том, что в доме и в школе происходит, поэтому он решил молчать. Дядя рассердился, будто Женя его чем нибудь обидел. Еще несколько раз он предлагал Жене все открыть ему, рассказать, но ничего не помогало.

Тогда, дойдя до первого угла, он подозвал полицейского, показал ему какую-то бумажку, отчего тот сразу взял под козырек, как это делают солдаты. Дядя же спросил его, забирает ли он непослушных детей. Полицейский сердито ответил: «Забираю!».

— Видишь, — говорит дядя Жене, — если не хочешь, чтобы полицейский забрал тебя, то расскажи мне все.

Женя вдруг вспомнил рассказ Фрица о том, как его отец надул полицейских, и начал очень серьезно рассказывать дяде о том, что в саду детского дома зарыты винтовки, а в подвале бомбы. Он уже хотел дальше говорить о пушках на чердаке, но дядя снова вынул шоколад из кармана и угостил его.

На этом их разговор кончился, они распрощались, и Женя пошел домой, к своей матери, где как раз шла уборка. Мать его белила кухню, так как всю неделю она была занята стиркой белья у господ в городе.

Так и не пришлось Жене рассказать матери про встречу с полицейским, хотя он уже заранее радовался тому, как мать его будет смеяться над шпиком. Женя поиграл немного с Маней, но ей нельзя было еще ничего рассказывать, так как девочке было всего три года, и она ничего не могла бы понять. Когда уже надвигались сумерки, он попрощался с матерью и пошел обратно в дом. Мать обещала ему прийти за ним в пятницу и взять на свидание с отцом.

Шел он домой очень долго, так как остановился у футбольной площадки, где играли заводские ученики и где он несколько раз мог побежать за мячом, когда тот далеко отлетал.

Приближаясь к детскому дому, видит Женя, что перед воротами скопилось много народу, который чего-то ждет и высматривает.

— Что же случилось? — думает Женя и пробивается к воротам сквозь толпу, чтобы войти. Но там стоит полицейский. Как только Женя взялся за ручку калитки, полицейский схватил его за шиворот, и он уже очутился в доме.

А в доме творилась настоящая суматоха. У всех дверей стояли полицейские. Мальчики были собраны все в одном месте.

...И начал очень серьезно рассказывать дяде, что в саду детского дома зарыты винтовки, а в подвале бомбы"...

Один из полицейских взял Женю за руки и грубо толкнул его в середину группы мальчиков, так что он растянулся на полу, как мешок. Но плакать не плакал, так как знал, что перед врагом только трус плачет. А полицейский — это настоящий враг.

Ребята сразу подняли его и шепнули ему на ухо: «Обыск». Была уже ночь, когда полицейские ушли, вошел один из руководителей и со смехом рассказывал, что полицейские ушли ни с чем. Они даже острого кухонного ножа не нашли, не то что оружия.

Толпа народа на улице за это время выросла, запрудила все переулки и смеялась над уходящими полицейскими: «Сколько у вас раненых и убитых?» «Штурмовали крепость, герои!» «Стыд, позор — сколько вооруженных людей против беззащитных детей».

«Героям», конечно, было не по себе.

Ребята побежали по всему дому восстанавливать порядок, так как «стражи порядка» перевернули в доме все, как настоящие разбойники.

Женя около двух недель никому не говорил о том, что это он полицию так надул. Но однажды вечером, лежа уже в постели, он взял слово от Вилли, что тот никому не расскажет эту историю, и посвятил его в свою тайну.

Вилли, однако, имел договор с Фрицем, что они друг перед другом ничего не должны скрывать, так что Фриц узнал всю историю.

Потом мы узнали все, как Женя одурачил полицию.

IV.

Как была переплетена книга

Письмо пришло к Карлу в тот момент, когда он работал в переплетной мастерской, чиня свою арифметику. Карл, по обыкновению, прочел письмо вслух. Отец его писал из тюрьмы, что ему осталось сидеть еще 8 месяцев, и что он просит Карла, чтобы он вел себя хорошо, так как отцу легче будет сидеть в тюрьме, если он знает, что его сын прилежно учится и готовится к тому, чтобы в будущих боях помогать ему. Кроме того, отец писал еще о многом, о том, что ему нужно, но это относилось скорее к матери. Порешили на том, что отцу Карла напишут вечером общее письмо, в котором сообщат, что он может быть вполне спокоен, так как Карл — лучший ученик, член домашнего совета и в прошлое воскресенье на демонстрации нес знамя впереди. А знамя, ведь, не каждому доверяют.

Затем все взялись за работу. Один Карл остался на своем месте и уставился на лежащую перед ним книгу, при чем письмо машинально укладывал между листами расклеенной обложки.

Вдруг сердце Карла сильно забилося. Он нашел то, что искал, удалось найти ключ к той задаче, над решением которой он уже долго думал.

Он додумался до того, как доставить письмо своему отцу, минуя цензуру.

Оставалось только выполнить план. Главная трудность выполнения заключалась в том, что никто об этом деле не должен был знать. А это было очень трудно в доме, где все привыкли все свои дела делать совсем открыто. Нужно было письмо вклеить в обложку книги так, чтобы этого никто не видел. Правда, Карл уже 5 месяцев изучал переплетное дело, но за это все же не смел взяться. После трехдневной работы, когда уже все мальчики рассердились на него, пришлось позвать на помощь Фрица и открыть ему свой замысел.

Фрица чуть было с ног не сшибло это открытие, так он удивился. Ведь они уже думали, что Карл переплетает какой-нибудь дурацкий роман, или молитвенник. Но тут, когда Фриц узнал, в чем дело, он стал главным секретником.

Фриц никогда не был запальчивым мальчиком, никогда не дрался, хотя сильный был парнишка, и даже большое ведро сам мог поднимать. Но сейчас нельзя было к нему подойти. Он громогласно заявил, что если кто во время работы подойдет к столу Карла, тот получит пинок.

Назавтра Карл пошел домой к матери—отнести ей письмо и попросить у нее книгу, чтобы послать отцу.

— Отец должен видеть, как хорошо я переплетаю книги, — сказал он матери.

Мать дала ему книгу, которую они на другой день приготовили к переплету. Вечером же написали письмо.

Написали, что они оба пионеры и что отец не может себе представить, как они ненавидят фашистов. Написали еще, что МОПР не только им помогает, но и матери. Фриц вставил еще замечание о том, что его отцу

придется еще 6 лет отсидеть. Письмо на ночь положили под подушку Фрица, чтобы никому не попало в руки.

На другой день успешно закончили работу. Карл хотел, чтобы книге дали красный полотняный переплет, но Фриц был против: в тюрьму, мол, не пропускают ничего красного—редиски, и то белые выбирают. Книга была специальной книгой для деревообделочников, поэтому Фриц предлагал переплет из коричневого полотна, которое напоминает цвет дерева и подходит к содержанию книги. Карл, конечно, принял это разумное предложение Фрица без всяких возражений. К вечеру все было готово: ведь в воскресенье мать Карла собиралась идти на свидание к отцу, и Карл тоже хотел с ней пойти, чтобы передать книгу.

Но к этому времени уже заволновались все в доме. В комнате № 3 заявили, что если Фриц к вечеру не придет рассказать, в чем тут дело, тогда они целую неделю не будут с ним разговаривать, так как они не доверяют такому пролетарию, который от своих братьев-пролетариев скрывает свои дела.

Тогда Карл предложил собрать представителей всех комнат и им все рассказать.

Он рассказал им всю историю и обратил их внимание на ту опасность, которая грозит арестом ему и продлением срока заключения отцу, если об этом узнает полиция. Поговорив между собой, пришли к выводу, что единственно правильным решением будет сообщить всем комнатам предложение Карла. Каждый пролетарский борец может интересоваться только таким делом, в котором может оказать какую-либо помощь.

В данном случае нет нужды в чьей бы то ни было помощи, поэтому не следует любопытствовать. Ребята на другой день вечером, когда им это сообщили, сначала дулись немного, но потом согласились с предложением.

Когда пришло воскресенье, тогда только 5 мальчиков волновались до позднего полудня за успех дела. Но больше всех волновался Карл на свидании. В тот вечер Карл вернулся и, торжествуя, рассказывал про успех. В момент, когда тюремный надзиратель отвернулся, ему удалось сказать на ухо отцу, что в обертке книги заклеено письмо. Отец весело моргнул глазом.

По предложению Фрица, 5 мальчиков запели «Интернационал». Из комнаты № 2 прибежал один из ребят и спросил Фрица, может ли он петь вместе с ними. Фриц утвердительно кивнул головой, и все дружно пели дальше: «и решительный бой...».

V.

Почему я полюбил большевиков

До того, как я попал в дом «МОПР», я очень мало знал о России.

Знал, например, что Россия велика, что в ней очень холодно, что на ее полях большой снег и множество диких волков. Затем знал еще, что там есть царь. Царя я считал королем всех королей. Иначе я не представлял себе его, как сидящим на троне или же, в худшем случае, верхом на лошади.

Мне было около 10 лет, когда во мне укоренилось сознание о том, что в России произошла революция и что там убили царя. О революции я уже имел кое-какое представление. Мне казалось, что революция бывает из-за хлеба. Пришел я к этому взгляду во время капповского путча *) у нас в Германии.

В то время мне было около 6 лет. И однажды вечером мне пришлось нести ужин отцу моему на баррикады, и пока он кушал, я там сидел и ожидал. Один дядя спросил меня, знаю ли я, для чего они воюют. Не помню уже, что я на это ответил, но дядя здорово смеялся над моим ответом. Отец же указал пальцем на один из великолепных домов и сказал мне: «Мы воюем, сынок, для того, чтобы мы жили в этих

*) Путч—стихийное, неорганизованное восстание.

дворцах, а не господа». Это я понял хорошо, и с того момента я полюбил революцию, так как у нас была очень скверная комната в подвале большого дома.

Поэтому я и думал, что революция в России произошла так: рабочие все переселились в большие красивые дома, а господа в подвалы.

Это было очень хорошо. Но я удивлялся — ведь революцию делали большевики, а о них я тогда слышал очень плохие вещи.

Первые мои сведения о большевиках были мною приобретены в трамвае. Возле меня сидело двое господ, которые между собою громко разговаривали. Один из них приехал откуда-то издалека, — по крайней мере, он был так одет. Он рассказывал другому про ужасы, которые творят большевики. Они оставляют детей сотнями, тысячами на голодную смерть, не дают им кушать, потому что они весь хлеб собирают для того, чтобы пойти войной на образованных европейцев. Но это еще не все. Они с аэропланов бросают бомбы на те деревни, где еще не все умерли от голода, и таким образом они учатся метать бомбы.

Я больше не стал слушать их разговор, а стал представлять себе, как должно быть ужасно пасть в руки большевиков.

Дома я матери ничего не говорил о том, что слышал в трамвае.

Мать моя так была занята весь день, что у нее, бедняжки, не было времени меня расспрашивать о том, что я видел, или что я слышал днем. Отца моего уже давно не было дома. Его посадили в тюрьму еще в 1919 году за то, что он был спартаковцем *). Потом выпустили его, но при Капп-путче его снова арестовали, потому что он воевал против господ.

*) Спартаковцы — члены революционного боевого союза „Спартак“, организованного Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург.

Почти два года я думал о большевиках плохо. В том районе, где мы жили, юных спартаковцев не было, далеко от дома я не бывал, так как не было денег на трамвай. Я бы, наверно, так и остался еще надолго при своем мнении о большевиках, если бы не случилось со мною одно событие.

Было мне приблизительно 12 лет, и я уже зарабатывал деньги для матери (разносил уголь всем живущим в нашем доме), когда однажды вечером мать моя радостно стала мне рассказывать, что я уже не должен буду идти работать мальчиком в магазин, так как я смогу продолжать ходить в школу. Все это потому, что мы получили помощь от большевиков. Я сразу не понял, как это будет и как мать моя это себе представляет, но меня очень радовало сознание того, что я смогу продолжать свое учение, а это для меня казалось важнее всего. Мать сразу заметила, что я понял, в чем тут дело, и начала рассказывать, что в Советской России те старые большевики, которые долгие годы сидели в тюрьмах, образовали какое-то общество, которое решило оказывать помощь всем революционерам, которые находятся в тюрьмах капиталистов, а также семьям этих революционеров. Поэтому и мы будем получать помощь от МОПР'а (так называется эта организация).

Первое мое мнение о большевиках до сих пор крепко сидело в моей голове.

Но матери своей я верил безусловно, и теперь, когда она говорила, что большевики помогают нам и всем сидящим в тюрьмах рабочим — я начал думать о большевиках иначе.

Жизнь для нас стала легче. МОПР в нашем районе не был очень велик, но когда какие-нибудь демонстрации устраивались, тогда МОПР приводил все больше и больше народу на них. В один вечер мать

моя принесла домой письмо, которое мы получили через МОПР из далекой Советской России.

Письмо пришло из Сибири, писали его рабочие одного металлургического завода и в нем говорили, что, так как отец мой тоже металлист, они будут нам помогать, чем только могут, поэтому нам надо написать, в чем мы нуждаемся, и они нам будут высылать, что нужно. На одно из свиданий мы с матерью взяли с собою письмо, показали отцу, который уже протянул руку за ним, но тюремный надзиратель не позволил взять письмо. Потом пришел еще один тюремщик, и нас с матерью выгнали оттуда за то, что мы хотели передать отцу письмо. Отца тоже увели, и когда его за руки тащили, он крикнул нам: «Напишите им, что мы будем лучше воевать, чем мы до сих пор воевали».

В тот вечер я впервые в жизни видел свою мать плачущей. Я плакал с ней вместе, и мы вместе уснули.

Немного времени спустя после этого, после школьных экзаменов, меня с матерью вызвали в МОПР, и там меня осмотрел врач. Все записал обо мне и спросил мать мою, согласна ли она на то, чтобы меня на летние каникулы взяли на два месяца в мопровский детский дом. Мать только посмотрела на меня и ответила врачу, чтобы он меня спросил. Я не очень хорошо понял, при чем тут МОПР, но зная, что он нам всегда делал только добро, я долго не колебался, а кивнул головой—«да».

Следующие дни проходили в лихорадочной подготовке к моему отъезду. Мать моя в МОПР'е получила особо деньги на то, чтобы мне купить белье, платье, ботинки, и мать была целиком занята тем, чтобы сшить для меня все так крепко, чтобы оно не разорвалось в течение этих двух месяцев. (Она, конечно, не могла знать, что МОПР, это—вторая мать родная, и там никто не может ходить грязным или оборванцем.)

Скоро, в субботу, в восемь часов утра, мы были на станции, где уже было около 50 ребят, мальчиков и девочек, которые пришли нас проводить. Там же ждал нас дядя в форме железнодорожника. До поезда пришлось ждать около двух часов. Все это время мы пели и веселились.

Прощание наше было так весело, что мне даже в голову не пришло плакать, расставаясь с матерью. Всплакнул только чуточку, когда уже поезд далеко отошел от станции.

После обеда приехали в Эльгерсбург. На станции нас ожидала из дома группа мальчиков. Они поблагодарили моего проводника за то, что он довез меня, взяли мой багаж, поставили меня в середину своей группы, и мы весело, с песней, отправились в дом.

Начиная с этой песни, эти два месяца, которые я провел в доме МОПР'а, прошли для меня, как во сне.

Веселая была жизнь. Я никогда не забуду, как много мы там смеялись.

Бывало, дома мать попросит меня помочь ей в уборке комнаты. Я это делал, но всегда нехотя, так как считал, что уборка, это—занятие не для мальчика. А сейчас, в мопровском доме! Когда мне приходилось быть дежурным по уборке, я был рад, что сумею показать, как хорошо умею подметать; когда же попадал дежурным по закупкам, то радовался тому, как будет хорошо пойти с песнями за закупками. А ведь дома, как я не любил, когда мать меня посылала закупать дрова.

На другой день после приезда я прочел в коридоре стенную газету с начала до конца. Я такую газету еще не видел.

В газете было письмо от пионеров из Советского города Вятки. Я его два раза прочел, так как в нем вятские пионеры писали нашим, чтобы они старались разузнать, какова жизнь в Советской России, потому

что буржуи хотят ввести нас в заблуждение: они боятся, как бы пролетарии не узнали, что без буржуев жизнь в сто раз лучше.

Я сразу спросил Фрица, ответили ли они вятским пионерам. «Мы уже несколько раз им писали», — ответил мне Фриц.

Прошло не более недели, как я уже вступил в юные пионеры. Ведь я за это время уже успел узнать, что такое пролетарий. Узнал, что буржуй никогда не бывает хорошим, даже тогда, когда он дает нашим кусок хлеба, так как он дает только тогда, когда он до этого уже вдвое больше отнял у тебя.

Теперь я уже знал, что такое большевики. И при вступлении я смело заявил, что большевики, это — строители нового мира.

Сразу после того, как меня приняли в юные пионеры, я написал письмо в Советскую Россию, саратовским пионерам. Другое письмо написал отцу в тюрьму. В Россию написал о своей жизни.

Отцу написал только о том, что попал сюда. Ему нельзя было даже сообщить о том, что я стал юным пионером, так как тогда письмо мое тюремщики разорвали бы еще до того, как оно до отца дошло бы.

Ответа от него так и не получил. Но когда мать моя приезжала посмотреть на меня, она мне говорила, что отец мой здоров и очень рад тому, что я здесь и мне здесь хорошо.

Из Саратова я вскоре получил ответное письмо. К письму был приложен небольшой треугольный красный платок.

В письме нам поручали, чтобы мы каждый раз защищали Советскую Россию, когда слышим, что на нее готовится нападение. Защищать ее надо потому,

что там многие миллионы рабочих и крестьян строят социализм под руководством большевиков, закладывают фундамент свободы для трудящихся людей на всем свете.

Вскоре после получения этого письма истекло время для моего пребывания в детском доме МОПР'а, и мне пришлось вернуться домой.

...Учитель на меня сердился за это здорово*...

Очень не хотелось уезжать отсюда, но я не противился, так как знал, что место мое нужно для другого мальчика, у которого мать сидит в тюрьме.

В школе я первым долгом съагитировал шесть ребят для вступления в юные пионеры. Учитель на меня сердился за это здорово, но я не боялся его, так как знал, что срок наказания моему отцу истекает, и он выйдет на волю.

Отец же мой говорил, что если после него и остальные выйдут из тюрьмы, тогда уже никто не скажет плохое о Советской России. Я это и сказал однажды господину учителю, и меня хотели за это исключить из школы. Но за это время отец вышел из тюрьмы, мы переехали в другой город, а там и учитель был коммунист.

Он ходил гулять в лес со мной и с моим отцом и был очень рад, когда я ему рассказывал о том, что было в Эльгерсбурге.

СОДЕРЖАНИЕ

К юным читателям	3
I. Отчего сердился полицмейстер	5
II. Ласточка	9
III. О чем Женя рассказал шпиону	15
IV. Как была переплетена книга	19
V. Почему я полюбил большевиков	23

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК МОПР

Москва, ул. Огарева, 4.

Тел. 3-26-29

Серия „МОПР и ДЕТИ“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. У родимых могил — *Ал. Колосов*
2. О китайченке Тао — „
3. Ганс и Карл — „
4. Письма пионера Карла Мюллера. — Собрал *И. Клаубер*

— — □ — — —
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

5. Повесть о капитане и китайченке Лане — *Д. Алтаузен*
и *Б. Ковынев*

Цена каждой книжки — 10 к.

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugaic.ru/>

10 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК МОПР
Москва, ул. Огарева, № 4. Тел. 3-26-29
ОРГАНИЗАЦИЯМ МОПР — СКИДКА